

Леонтьевский центр

Научные труды

**Россия 1917–2017:
Европейская модернизация
или особый путь?**

Санкт-Петербург
2017

УДК 308
ББК 60
Р 76

Рецензенты:

*П. М. Лукичев, д-р экон. наук, проф.
А. Ю. Сунгуров, д-р полит. наук, проф.*

Р76 Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? [Текст] / Под ред. А. П. Заостровцева — Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». — СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017. — 240 с.

ISBN 978–5–900814–96–4

В сборнике собраны статьи представителей разных социальных наук. Его центральная тема — исторический путь России, что отражено в его названии. Однако труды историков в сборник не вошли. Эту проблему раскрывают экономисты, философы, юристы и политологи. Авторы не придерживаются единой точки зрения и часто не соглашаются друг с другом. Сборник будет интересен как специалистам в области социальных наук, так и всем интересующимся состоянием судьбами России и ее цивилизационными особенностями.

ISBN 978–5–900814–96–4

© МЦСЭИ «Леонтьевский центр»,
2017

Л. М. Григорьев

Различие целей и смена интересов актеров в ходе трансформации

Я искренне благодарен Комитету за то, что меня удостоили такой премии. Честно говоря, я думал, что именно эту медаль мне не дадут. Те, кто в курсе моей биографии, знают, что одна из первых работ по приватизации России была написана еще в 1991 году, но что я изначально был против массовой ваучерной приватизации по строго научным соображениям. Так что моя лекция сегодня — это результат локального чуда демократии — очень приятно и интересно. Я был в сложном положении как сравнительно коротко рассказывать о реформировании России. И решил поговорить о проблеме интересов участников трансформации — акторов как модно теперь говорить — о подходе, который я развил в журнале «Полития» в марте 2015 года: «ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИИ: ДЛЯ ЛЮДЕЙ ИЛИ ДЛЯ ЭЛИТ?» (в конце этого доклада есть список основных моих работ по трансформации, и еще несколько выйдет в нынешнем году).

Есть общее представление о том, что в России мы многого не сделали, о чем только что упомянул предыдущий оратор, с более его счастливым случаем реформ в Словакии. Но мне кажется, что главное — это недостаточно ясный учет смены интересов основных игроков внутри страны, и не учет ситуации с внешними игроками. В этой статье я взял шесть акторов (игроков) и посмотрел их интересы в 1990, 1996 годах, в начале и конце 2000-х годов и так далее до 2014 года (примерно в 6 точках). Сложность трансформации самой и ее изучения состоит в том, что на каждом этапе акторы переопределяли свои интересы. Эти группы (слои) даже состав свой меняли, поэтому я даже использовал такие простые термины как интеллигенция, рабочие, поскольку на каждом этапе это были уже другие люди, но занимающие примерно то же место в обществе. И у них менялись интересы, менялось взаимодействие. Особенно тяжелым было воздействие транзитного кризиса (минус 43% ВВП).

К сожалению, я не смогу за 30 минут показать даже ту логику, что есть в статье или в моих работах по российским реформам. Друзья, которые читали эту статью, говорили, что это больше похоже на техническое задание для исследования по нашему переходному

периоду. Дальше я буду показывать слайды, но развивать свои идеи более широко.

Принципы подхода

- Положение и интересы основного набора Акторов меняются на каждом переломе истории.
- Состав самих Акторов меняется (и быстро) от этапа к этапу – нет жесткого состава «команд».
- Актеры на старте: политический элиты; возникающие финансовые элементы; интеллигенция; трудящееся население; новый бизнес.
- Плюс внешние элиты с очень разными интересам.
- Динамический процесс – раз акторы меняют свои интересы от реалий и сами меняются, то по этапам идет и смена характера взаимодействия. Отсюда смена относительных мощностей и ролей.
- Опубликовано в «Полития» – март 2015...

Слайд 1

Начнем с того, что мы все-таки недооцениваем специфику нашей истории. Представьте себе болото с лесами где-то в IX-X веках, через которое плывут норманнские корабли, потому что они не хотят платить Константинополю, они ходят в Азию, постепенно выбивают местных князей, осаживаются надолго ... Мы иногда из почтения забываем, что Рюковичи – это нормальная для Европы того времени нормандская династия, как в Нормандии, потом в Англии и так далее. Потом умные византийцы подарили нам христианство, так что у нас даже есть Праздник Покрова по защите христианского города от наших предков-язычников. Мне кажется, что коварство константинопольских дворцовых интриг, сложности жизни имперской Византии (откуда и имперское раболепие), «брутальность» норманнов, длительное взаимодействие со Степью (печенеги — половцы и т.д.) формировали наших князей и дружины, их менталитет и национальную идентичность (включая былины) задолго до нашествия Батыя.

В результате исторического воздействия и необходимости выживать на перекрестке больших дорог мы, конечно, приобрели значительное своеобразие. Наша история отличается, как сказали бы инвестиционные банкиры, на два-три «стандартных отклонения» от большинства европейских стран, хотя мы от христианского корня и с норманнской династией. Мы всегда были под очень интенсивным

внешним воздействием. В Англии после Вильгельма Завоевателя никто больше не высаживался с нашествием. У нас идея о том, что мы всегда отвечаем и во внутренних и во внешних отношениях, вечно придумываем что-то «асимметричное, но адекватное» — относится и к стране, и к нам лично. Но мы даже не подозреваем, до какой степени мы все хорошо приспосабливаемся, терпим, переделываем все приносное под себя. Мы себя недооцениваем, так же как мы недооцениваем специфику менталитета нашей страны.

Едва ли не главное — в нашей страненикогда не было сколько-нибудь устойчивого мира и безопасности. Напомню, что по Ключевскому веками 85 тысяч вооруженных ратников должны были стоять с апреля до октября на границе и охранять броды маленькой в общем лесной страны — тут недалеко верст 200 на Оке... Они не работали в поле, не участвовали в турнирах, хотя академик Ю.А. Пивоваров напомнил, что в Киев приезжали с Запада рыцари на турниры, но это, видимо, только в 11 веке и до Схизмы. Зато у нас тренировка армии шла каждый год — большие войны, затем маленькие, пограничные и так далее. У нас никогда не было «необстрелянных» офицеров. Здесь мир был только как короткие промежутки между большими войнами. И это отчасти причина, скажем, «нервной» реакции элит на внешние вызовы, а также фаталистической реакции населения на то, что «вот опять кругом враги». Этот опыт естественно передается через историю и литературу и закреплён в культурных кодах. Это важно для поведения элит, взаимодействия с внешним миром по сей день.

Вот от этой страны 1533 года (в два нынешних федеральных круга) и началось ее расширение. Следующее, что важно помнить про нашу страну — это ее упрямство и поразительную способность к выживанию и относительно быстрому восстановлению после тяжелейших катастроф. В принципе если оказаться на таком месте между Европой и Азией, когда у вас конфликты везде — это еще надо выжить сначала. После прихода Батыя с земель не очень богатых собирается двойная рента, происходит известное замедление развития. Еле спасли культуру — спрятали по монастырям. Потеря времени для развития и экономики, и городов, и дорог (римляне о нас не позаботились) была огромная, а догоняющее развитие стало нормой бытия.

Слайд 2 показывает откуда пошла будущая империя при Иване Грозном. Это Московское княжество с Новгородскими землями — два наших федеральных округа, земля бедная, мехов порядочно, но своих металлов нет, ни серебра, и свинца, ни меди, ни железа по-крупному, а Степь — в 200 километрах на юг от Москвы. Борьба за выживание на этом месте, конечно, доминировала. Мы анализируем

тексты, события, но век за веком это было постоянное напряжение и постоянные расходы. Короли и нобилитет, дворяне и торговцы строили в Европе красивые соборы, замки и дома. А что у нас осталось из каменного строительства вне Кремля с тех времен? Английское подворье на Варварке, почти и всё. Отставание было намного больше, чем принято считать, если взять не только колебания доходов, но и потери активов и богатства, особенно людей, «человеческого капитала» при войнах и набегах. Так формировался тип личности, который во многом дожил до XX века и даже выдержал серию катастроф XX века. Эту страну и народ надо любить, какая она есть, и адаптировать (модернизировать, реформировать) от ее реалий, а не от желаемой нормы.

Слайд 2

В проблемы работ по трансформации, которая началась в конце 80-х — начале 90-х гг. меня ввел Евгений Григорьевич Ясин. Он пришел в ИМЭМО в декабре 1989 года и попросил помощи – тогда появилась первая идея программ (осенью 1989 г., говорят, была программа Гайдара — Машица и еще кого-то, но я ее так и не видел). У меня был и некоторый научный актив (капиталовложения, корпоративные финансы и деловой цикл), и опыт в полгода в США в 1979 по обмену эконометриками. В тот момент я, на память, один к Ясину и Явлинскому пришел: у меня был (и есть) коллега, который тогда был единственный, кто умел делать сезонную очистку, а моя будущая жена набила нам месячную статистику отраслей промышленности СССР за много лет.

Так что мы в феврале 1990 года подсчитали, что пик промышленного производства в Советском Союзе пришелся на ноябрь 1989 года. Так потом и оказалось. В марте 1990 г. мы готовили бумаги для серии обсуждений в Вене и Будапеште, тогда была первая статья о приватизации с Сергеем Алексашенко и «500 дней».

Особый путь России или нет!

- Нормальные люди после 1000 лет ненормальной истории с вертикалями, без мира и покоя...
- Карл Маркс: «В России абсолютизм, ограниченный царевубийством» — от Норманнов и Византийцев!!
- Лень хороша в 19-20 веках против тяжелого ручного труда, не охватывает творчества. Роботы скоро всех вылечат от лени — читайте Херберта!
- По границам СССР (и России) только на границе с Норвегией не было войны! А везде выборы — и вряд ли удастся уйти от регулярных обострений!..
- В русской армии не было офицеров без «опыта»!
- Азиатский способ коррекции режимов: от бесконечного стога к русскому бунту...
- Ответ россиянина на все трудности всегда был «Ассиметричным и Адекватным»! И так будет!

Слайд 3

Я убежден, что нечего стесняться — это был, конечно, провал элит Советского Союза в том, чтобы найти способ избежать столько тяжелого кризиса и распада. Думаю, что 1990 год был последним, когда можно было сделать если не мягкую, но «полужесткую посадку» — падение ВВП составляло еще только 2%. Еще можно было договариваться и процесс по «500 дням», который вел Владимир Масиц в команде Явлинского-Ясина, давал некоторые результаты при переговорах с другими республиками. Тогда еще не было такого отчаяния от кризиса, что нужно вырваться немедленно всем. А в 1991 году падение ВВП составило 16% — это уже совсем тяжело. Тогда рухнули межрегиональные распределения и стало ясно, что в Москве хаос, и тогда, конечно, местные элиты стали организовываться на выход. Н.В. Зубаревич говорит, что реформаторы «потерялись в пространстве», она имеет в виду, видимо, Россию. Но сначала меняющиеся политические элиты потерялись в пространстве СССР, потом они потерялись в своих республиканских пространствах (с учетом национальных меньшинств) — кто больше, кто меньше. И все не справились с защитой граждан от тяжелейшего кризиса.

Я собираюсь закончить в 2017 году третий том «Экономики переходных процессов», где будут собраны мои опубликованные и новые статьи по собственности, среднему классу и элитам. Может быть, решусь показать, как примерно могло бы выглядеть общество то ли Советского Союза, то ли одной России, если бы мы совершили трансформацию с очень низкими политическими издержками. Я понимаю, что это нереально. В данном случае я буду максимально реалистичен, потому что для фантастики у меня есть другой способ удовлетворения собственного любопытства. А пока просто отметим, что в то время никто не обсуждал то, куда мы идем. Получалось, что все по интуиции полагали: мы попадем из среднеразвитой страны плановой в средне-развитую рыночную, да еще с эффективностью и демократией.

1990–1991 годы – картина примерно понятна – кризис, конечно, не был бы таким, если бы не распад страны и одновременно распад СЭВа. Я помню, как мы с Е.Т. Гайдаром сидели на переговорах с канадцами в декабре 1991 года: в стране не было зерна, канадцы давали бесплатно зерно, не было денег заплатить за портовые сборы, топливо и вытаскать свои суда с канадским зерном. В декабре 1991 года мой старший товарищ, с которым я до сих пор дружу, столкнулся с нехваткой хлеба в Петербурге (это для местных жителей). Он нашел зерно, на память, в Саратове, созвонился по вертушкам и обменял «по бартеру» зерно на питерские телевизоры под новый 1992 год. Таково было состояние России на момент старта. Дестабилизация во многом шла от распада хозяйственных связей — экономики Грузии, Молдавии и Украины сжались еще больше.

Рабочие потеряли больше всех — вместо роли главного, квази-привилегированного класса они оказались безработными, доходы рухнули и потом еще несколько раз за десятилетие. Низкоквалифицированные держались на работе за малые деньги, более квалифицированные или уходили, или по десять лет ждали возобновления производства. Бедная часть интеллигенции выживала на «челночной» торговле. Но все происходило так быстро, высвобождавшие рабочие и учителя на местах не успели войти в мелкий бизнес. Их место в розничной торговле, услугах и ресторанах во многом стали быстро занимать мигранты из других районов РФ и республик бывшего СССР. При более организованной приватизации можно было бы поддержать «своих местных».

Фактор времени — длина транзитивного кризиса в 10 лет — сыграл свою драматическую роль. В Центральной и Восточной Европе кризис тянулся в общем лет пять (1989–1994), а у нас десять (1990–1999). Семьи не могут выдержать такого кризиса: минус 43% и 10 лет

вниз. Люди не могут поддерживать новую демократию, не имея перспективы и надежды. Они срываются с места, теряют квалификацию, мигрируют и эмигрируют. Отсюда поток людей в Москву и большие города, с Дальнего Востока на запад страны, на Запад и тому подобное.

Массовая интеллигенция в СССР (учителя, врачи, инженеры) выросла на вложениях СССР в образование, науку, ВПК, но при низкой зарплате. Но она оказалась непропорционально велика мгновенно сузившейся экомомке (то есть случился инсульт). Советский Союз подготовил по разным причинам огромное количество интеллигенции, особенно инженеров, медиков и учителей, причем очень приличного качества. В массе они были людьми порядочными, верящими в справедливость, патриотами и хорошими профессионалами, но не в бизнесе, правда. Они поругивали советские порядки, рассказывали анекдоты, занимались туризмом, поскольку за границу не особенно пускали. Они так ждали демократии и справедливости, но не думали, что приход демократии изначально будет «за их счет», а «справедливости» не прибавится. Заметная доля ее была ввязана в оборонку.

Наука держалась на ощущении важности работы для страны, личной жажде открытий. Но экономически — на уравниловке, таланте и энтузиазме и — главное — на «дешевизне» ученого с интересной работой, как у Стругацких (на память): «Какие могут быть проблемы у человека, у которого есть интересная работа!». Как все, кто жил в то время, я знал гениев-бессребреников. «Эффективные менеджеры» еще не задавили гениев, поскольку надо было показывать результаты, а не отчеты! Но основная масса ученых жила по сути дела бедно, но чуть лучше среднего, в том числе академическая наука и все городки, где можно было сносно жить, но по нынешним понятиям «очень умеренно». В этой ситуации этого хватало для того существования, зато, конечно, ходили на байдарках и много читали, поскольку не отвлекались на общественную (политическую) жизнь в связи с ее отсутствием...

При низкой конкурентоспособности промышленности при открытии рынка, конечно, инженеры и рабочие стали избыточной рабочей силой, в том числе и избыточным стало само образование. Поскольку осуществить сколько-нибудь плавный переход не получалось, то ясно было, что большая часть отраслей не выдержит конкуренции.

Нашей трансформации искренне помогали многие люди на Западе. Очень многие к нам отнеслись прилично в 1990–1992 годы, хотя они мало понимали нашу страну и пришли с советами слишком общими и правильными вообще. Нам, например, пытались помочь с денежным союзом республик, Мировой банк пытался помочь сохранить торговые связи. Пятнадцать политических независимых элит в целом

ни с чем из этого не справились, ничего этого не сохранили, поэтому шло взаимное обрушение в стиле бессмертных «Фомы и Еремы». Там были эксцессы вроде запрета Грузии на торговлю с Россией (на мою память) и в Грузии обрушился туризм. Так что у нас ВВП упал на 43%, а в Молдавии, Грузии, Украине ВВП падение было 60%. В Грузии исчезли поставки Ставропольского края для туристов, потому что исчезли в том числе и туристы. И на коммерческом уровне это не восстановилось.

Массу негативных последствий можно было бы избежать, но это требовало очень большой координации, чего не получилось. Совершенно неясны были цели реформ. Все это было по умолчанию, по мечте каждого, но не сформулировано и не акцептовано, даже в программе «500 дней», но в ней хоть не было упоминания социализма. Ну нам сочувствующие коллеги говорили: «Ну, вы помяните социализм, и будет легче в продвижении Программы», но мы дружно отказались — не было веры. Хотя в то время было много реформаторов и прогрессивных людей, которые в 1989–1990 годах «до последнего» писали об улучшении социализма. В «500 днях» мы все-таки радикально «отломились». Говорю это не в похвалу нам, а потому что это уже было такое состояние умов. В отличие от Центральной и Восточной Европы (там на энтузиазме освобождения там приняли стандарт у ЕС — и все) у нас надо было бы достигать компромисса между надеждами разных слоев общества, регионов и наций — тяжелейшее дело.

Спасти социализм было нельзя в это время или надо было проводить намного более сложные реформы в СССР и раньше — не были готовы и не было чувства угрозы. И миллионы людей потеряли нормальную жизнь — ретроспективно за хладнокровным изучением статистики и законодательства, институтов трансформации нельзя терять картину массы личных драм и трагедий. Надо было заниматься масштабным кризисом системы, а проблема была в том, что не было никакого образа, куда мы идем. То, что прошло в ЦВЕ в более или менее однородных развитых странах на минус 25%, в бывшем СССР в целом пошло много тяжелее. Кстати стратегическую программу с таким образом будущего страны, который был привлекателен и реален, с тех пор так и не создали.

Не было согласия в том, куда мы попадаем и куда хотим попасть, хотя политики, конечно, всегда обещали подъем. Я полагаю, что всем хотелось демократии, не очень понимая, какая из этого вытекает у всех ответственность, в том числе и у субъектов, и у объектов политики. Стоял ли вопрос о справедливости? Конечно, подразумевался, хотя никто не ждал все сразу у всех. На слайде 5 показано то, как наш ВВП

относится к американскому за длительный период времени. Так что вопрос скорее — почему у некоторых так много, если у большинства так плохо. Брошюра Е.Г.Ясина с соавторами 2011 года показала, что только 20% россиян к этому году жила лучше, чем в Советском Союзе (но не вполне те, кто жил в этом квинтиле до реформ). Еще 20% жило примерно также и 60% (!) жило хуже, чем раньше. Разумеется, все квинтили граждан получили намного больше свободы слова и свободы передвижения и самовыражения, но большая доля хлебнула бедности после коллапса квази-эгалитарного общества.

Неясные цели трансформации, 1990

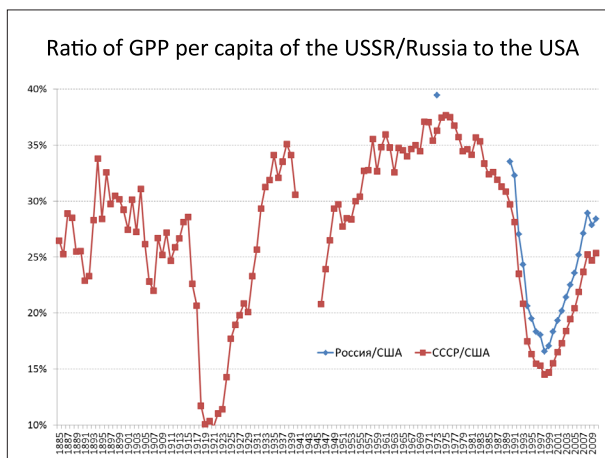
- Благополучие живущих в том время
- Вход из военной конфронтации с Западом
- Переход к нормальной идеологии (какой?)
- Образ будущего практически не обсуждался — по умолчанию должны были появиться сразу: благополучие (без очереди); демократия (в неясных формах); справедливость (как без нее?)
- Попытки предложить программу АНЭА с 2003 не прошли — и вот теперь ЦСР проводит опрос!
- Распад СССР не мыслился, национализм тоже
- Выход из конфронтации — наша победа (наивно!), а не поражение в борьбе с Западом!

Слайд 4

В любом случае я считаю, что претензии к «народу», которые как-то проскальзывают в дебатах, совершенно неверны и неприличны. Большая часть вынесла тяжелейший кризис, а наши эмигранты показали, что в институциональных условиях стран ОЭСР «россияне» (от всех народов) — отличные работники и тотально деполитизированы (кроме Израиля). Так что наши потери в этот период огромные: порядка двух миллионов людей в экономической эмиграции этих десятилетий обычно имеют высшее образование, успешно работают, следят за событиями в нашей стране и постоянно обсуждают, правильно ли уехали...

На 5 слайде показано, как Россия двигалась перед кризисом 2008–2009 гг. за предыдущие 125 лет. Состояние российской экономики после начала трансформации ухудшалось быстро, эйфория от демократизации и открытости быстро прошла. И принципиально важно,

что трансформация шла по трем параметрам: идеология, собственность с рынком в придачу и распад страны. Пятнадцать Центральных банков, печатающих деньги в 1992 году — это кошмар денежной системы. Мы получили гиперинфляцию за 4000% — это был просто разнос. Реалии приватизации — десятки тысяч предприятий за 3 года и преимущественно даром. Доход Минфина, формально показанный в бюджетах за десять лет, составлял 123 миллиарда рублей или порядка 11,7 млрд. долларов (официальные доходы бюджета по курсу рубля по годам приватизации — см. «Экономика переходных процессов», 2009, т. 1, стр. 509–512). Несколько десятков предприятий в Аргентине и Бразилии принесли 45–65 млрд. долл. Мне друзья в Минфине тогда говорили, что содержание Министерства приватизации было дороже, чем доход от приватизации.

Слайд 5

Я был один год председателем Комитета по иностранным инвестициям и приготовил программу о продаже предприятий. Я приводил к Е.Т. Гайдару иностранные компании, которые были готовы платить за некое предприятие примерно 50 млн. долларов за 20% акций. Им казалось это очень дешево, что это хорошая сделка. Это не прошло, поскольку отклонения от ваучеров были запрещены (в Чехословацкой «ваучерной» схеме их бы приняли «как родных» и продали бы). Я потом проверил и оказалось, что то предприятие было куплено тем же иностранцем, но за 85% акций они потратили где-то 20 млн. долларов через директоров и ваучеры. То есть мы отказались изна-

чально от бюджетного дохода за проданные доли, что могло бы помочь макростабилизации. А потом отказались от всех приватизационных выигрышей, которые подарили «хватким и удачливым», потому что разумной стратегией при захвате предприятия по низкой цене была трата денег на защиту собственности. Новые собственники, выждав, когда нормализуется обстановка, при его продаже получали приватизационные выигрыши в стоимости активов (capital gains).

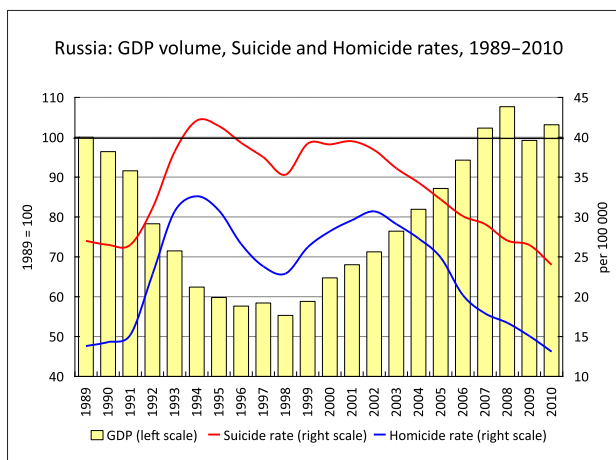
Претензии к приватизации обсуждаются давно — я собственно решил в свое время уйти из Правительства потому, что оно расходилась с моими базисными представлениями о смысле процесса. Не буду повторять свою логику разногласий здесь — все опубликовано, например, в моей книге «Экономика переходных процессов». Здесь отмечу только два пункта: упущенная выгода продажи хотя бы части долей предприятий и тем самым снижения тяжести бюджетного кризиса; отсутствие широкого слоя собственников акций и через четверть века, что имеет, разумеется, и социально-политические последствия.

Я отпросился у Е.Т.Гайдара в августе 1992 года потому что, во-первых, настал «паралич» (потеря) всех счетов всех СП в России в ВЭБе. Во-вторых, в Законе о налогах (мне не присылали его на согласование по должности в декабре 1991 г.), забыли упомянуть вообще какой-либо специфический статус иностранного бизнеса в России, что обнулило все права СП в России (порядка 40 приличных предприятий). Гайдар выяснял у меня потом, как это вышло... И, в-третьих, иностранцев исключили из приватизации. Ну, так просто и все кончилось — у меня есть статья 2001 года в «Вопросах экономики» №6 — нечего было делать практически.

Второе — крайне редко упоминаемое — отсутствие массового акционера имело сложные отдаленные последствия, отмечу лишь: явную обиду граждан на отсутствие даже видимости справедливости по результатам приватизации; отсутствие массового собственника как защиты от национализации; ненужные мировые рекорды по производству миллиардеров. Западный взгляд на нашу приватизацию с водится к радости и похвалам за радикальность расставания с социализмом. После чего все больше насмешек за появление массы миллиардеров, которые как бы они объявились сами собой, а не из этой приватизации советских масштабных активов.

На слайде 6 красным обозначена относительный уровень самоубийств, а синим — это уровень убийств... Главное — это ужасный шок начала 90-х гг., и близость рисунков двух показателей и второй шок после 1998 года. Я напомним, что норма самоубийств в расчете

на 100 тысяч населения в 5 раз больше в крупных промышленных городах, чем в Москве. Обратите внимание, что их динамика совпадает и на второй год после 1998 года. Это косвенный, серьезный показатель состояния общества (кстати, городов, а не деревень) в ходе трансформации. На мой взгляд, некоторые политологи недооценивают тяжелейшие ситуации в семьях, когда выражают недовольство недостаточной зрелостью народа. У верхов интеллигенции после 1990 и особенно после 2000 года произошел переход на вполне приличные контракты, но это – совсем небольшая часть гуманитариев. Потом показатели на графиках вышли на те нормы, которые были раньше в 1989 году, как это ни парадоксально (хотя всегда есть подозрение по качеству статистики).

Слайд 6

Я попытался разложить это движение реформ по этапам. На каждом этапе акторы перераспределяют свои интересы и необходимо (в науке и прикладном анализе) возвращаться к тому, что та или иная важная социальная группа представляет собой по составу, благосостоянию, достигнутым «групповым» успехам и новым «вожделениям». То есть нет интеллигенции, которая, получив кусок хлеба через двадцать лет мучительной трансформации, не захочет честных выборов, снижения коррупции и т.п. Нет финансовой элиты, которая всегда хочет политически или экономически одного и того же, и вряд ли есть единство интересов ее частей (например, по курсу рубля) — неустойчивые компромиссы надо все время восстанавливать.

Теперь к классике – к Манкуру Олсону. Так жаль, что он не дожид до Нобелевской премии, которой он достоин. Новая финансовая элита после слома государственной собственности – сначала «бароны-грабители» по определению. Вопрос — они стали потом «стационарными бандитами»? Меняется ситуация — проходят годы, дорожают их активы — они опять хотят прихватить актив-другой? То есть они опять «грабители», а потом осваивают овые захваты как «стационарные бандиты». А потом подумали-подумали и решили еще чего-нибудь приобрести. И мы понимаем, что те, кто захватывал большие активы в стране, оказались фактически между четырьмя типами претендентов, «хищников» с их точки зрения:

- соседи по джунглям (иные бароны);
- государство (которое хочет доходов);
- иностранные бароны, которых не пустили в приватизацию;
- наконец, бедное население (этак процентов 60–80), которое не просит ренационализации (и партии такой нет), но хочет «справедливости» и не признает раздачу национальных активов легитимной — ничего с этим не поделаешь.

Я не жалею тех, кто захватил большие активы, но отношусь к этому как к историческому факту. Кто против? Во-первых, были очень недовольны иностранные инвесторы. В 1996 году на А. Чубайса на Западе стали «наезжать», что он не дал возможности купить ничего из нефти. То все были так счастливы от массовой мгновенной приватизации, то вдруг расстроились. Во-вторых, мы понимаем, что российский народ, как и многие другие народы, не любит крупных собственников, внезапно объявившихся неизвестно откуда. Это психологически понятно — и легитимность крупной собственности в стране не решена. Мы с А.А. Курдиным опубликовали об этом статью в январе 2016 в «Вопросах экономики». В-третьих, были блуждающие бандиты, которые стали стационарными. Если ты чуть зазеваешься, то они могут по отношению к вам вдруг сыграть роль барона-грабителя в индивидуальном порядке, если не в общественном. И, наконец, было государство, которое спало-спало, раздало, думало, что счастье будет враз.

А что оно получило взамен? Мы понимаем, что, конечно, олигархи, видимо, мало что платили на аукционах в 1996 году. Но зачем, имея такие дефициты, влезли в такую историю с шестирублевым долларом на много лет, влезли в эти ГКО, безумные внешние займы. Что мы с этого получили? Экономический рост, инвестиции? Практически, нет. Я не буду влезать в макроэкономику, это дело более или менее разобрано, мы это внутри страны не обсуждаем, нам неудобно. С такими долгами можно было остаться в стагнации — цены на нефть подскочили и помогли.

Я опубликовал это в своей книжке 6 лет назад, и вынужден повторить, что все еще рано для объективного анализа. Те люди, которые делали революцию, те люди, которые получили активы, основные бенефициары, они слишком молоды и богаты. Как говорил Карл Марк (на память): «Англиканская церковь легче перенесет нападки на девять из десяти ее догматов, чем на одну десятую своих доходов». Этого нельзя трогать потому, что у него миллиард, этого — потому, что министр, этого — неудобно тронуть потому, что он в тюрьме, а этого — потому, что он умер. Эти люди будут у власти еще 10–20 лет, фактически обладая властью. Я хорошо помню большую часть олигархов, когда они торговали компьютерами. Один из олигархов в частном разговоре признался мне в начале 90-х: мы продавали продовольствие, пришедшее по бесплатной помощи с наценкой, но мы «по-божески» его продавали. Так что сделать с крупной собственностью ничего радикального нельзя — я много раз обмозговывал разные варианты — общественные издержки были бы чудовищные — надо искать «мягкие» варианты расширения социальной базы собственников.

Давление извне на страну создает проблему для людей, которые получили большие активы, создает угрозу отбора контроля. Отсюда для многих самым правильным стало продать все и бежать. Вы можете найти огромное количество наших миллиардеров на Западе, которые купили себе билет в западное общество, приобретя какой-нибудь клуб, например, футбольный или другой. Приезжают профессора из университета, куда он дал грант, где есть профессор имени его. Приезжает прогрессивный иностранный профессор и рассказывает нам, что он «имени олигарха». Тот просто уехал и продал все. Другая возможность — это, сидя на Западе, управлять из оффшоров. Причем, всё висит на оффшорах, потому что эта вся приватизация не дала возможности держать все внутри. У меня есть такая статья про «эффект трамвая». Обычно все ждут, трамвай подходит, пробивается толпа и все кричат: «Подождите, подождите, пустите меня», а как только человек заходит, то можно закрывать двери и ехать дальше. И олигархам надо наконец-то договориться, «закрывать дверь» и перестать кого-то «выкидывать в окно», но и перестать «впускать кого-то». То есть взять амнистию и уехать на «трамвае». Я опубликовал это пару лет назад. Нельзя бесконечно пускать кого-то или выкидывать кого-то, так как это создает неустойчивость. Естественно в этой ситуации возникает проблема с интеллигенцией, как со средней интеллигенцией, которая была когда-то. Кстати, кто такие были челноки, в профессиональном плане? Значительная часть по профессии были учительницами начальных классов, инженерами и так далее. То есть

это был все-таки образованный мидл-мидл-класс, опущенный почти до уровня бедности, который приспособился. У него не было шанса стать мелким предпринимателем внутри, потому что они не успевали выжить, в это время на их место уже вошел частично миграционный элемент (в торговлю, в ресторанный бизнес). Внутри бывшего Советского Союза произошло смешение слоев. Естественно, начался уход на Запад. Я когда-то опубликовал данные о том, что пару миллионов образованных людей мы экспортировали: это хорошо, если только пару миллионов. Полмиллиона видно сразу — говорят, 300 тысяч в Берлине, 300 тысяч в Лондоне. Это образованные люди, там нет сантехников, рубщиков мяса, водителей автобуса. Большинство из них остались еще гражданами России, но их нет здесь, их нет на политическом поле, они не прижаты, им не надо бороться. Говоря об отдушине, я повторяю то, о чем говорил утром. Это 25 глава 1 тома «Капитала». Почему в Америке не сложилась европейская революционная традиция? Карл Маркс закончил обещанием неизбежного взрыва в 24 главе, а в 25 главе объяснил то, почему в Америке нет революционных движений. Потому, что активный элемент создает газеты, профсоюзы и партии во время подъема, а во время кризиса «снимается» и уходит. Естественно, экспортировав такое количество образованных, здесь мы как-то выживаем потихонечку. В значительной мере остался сарказм, забота о том, чтобы пристроить детей. И тем самым на фоне огромного роста высшего образования, творческая часть, возможно, постепенно сужается. Как марьянорощинский мальчишка, не ставший хулиганом потому, что мама была учительницей, очень хорошо представляю себе этот процесс, так как я вырос среди учителей, физиков, военных и даже одного посла и одного художника — лауреата Государственной премии — все в одном школьном классе.

Политического влияния интеллигенции мало, но мы живучи до невозможности. Здесь в аудитории уже мало пожилых людей. Я хорошо помню конец 50-х годов, когда появились дамы, которые учились в Институте благородных девиц и они учили английскому языку. Наша живучесть как интеллигентского класса выше, чем мы думаем, но мы должны думать о том, как мы выживаем и как мы общаемся с собственными детьми и приятелями. И мы должны создавать что-то новое и интересное на русском языке, если хотим сохранить его и свои позиции в мире. Это является одним из важных моментов. Если мы будем только стонать и говорить, что мы – то ли особые, то ли не особые, то из этого ничего не выйдет. Мы должны создавать новый культурный, научный и прочий продукт, мы должны продолжать доказывать, что мы интеллектуальная нация. И если мы хотим, как ни

парадоксально, выжить, то мы должны, на мой взгляд зацепиться за то, что мы являемся очень творческими людьми.

Понятно, что гастарбайтеры извне замещают нижний уровень, верхний как-то проседает, и значительная часть молодого поколения, вместо того, чтобы стать рабочими, расширяется в армии МВД, гвардии, МЧС. У нас, по оценке, до полутора миллиона охранников в стране. Они все спят на работе, возможно, они решают демографические проблемы страны. Важно то, что у них есть семьи, хорошая зарплата и им абсолютно не грозят ментальные проблемы, кроме скуки. А креативный класс сжимается до небольшой интеллигенции и несколько замученных предпринимателей. Остальное – это собственники из-за рубежа, управляющие активами, юристы и армия, МВД, МЧС и нацгвардия, которые все это охраняют. Она охраняет собственность, сложившуюся в результате нашей замечательной приватизации, от захвата всеми остальными, в том числе иностранцами. Олигархи прекрасно понимают, что случае нормального либерального западного правительства, быстро выяснится, что у них много недостатков при покупке и их быстренько выгонят и перекупят. Они боятся и держатся за эту политическую элиту, в том числе потому, что она их защищает.

Важно отметить, почему мы — как страна — относительно хорошо переносим текущий кризис. Пропаганда начисто прозевала колоссальный бум товаров длительного пользования в 2010–2014 годах. Почитайте «Доклад о человеческом капитале» АЦ 2015 года, и адаптацию (неофициальная, конечно) целей устойчивого развития ООН к нашей стране (на 2030), которую мы сделали в докладе 2016 г. Мы понимаем, что часть этой нефтяной ренты ушла на пенсионеров, оборонку и частично вывезена, мы нашли все-таки то, что просочилось к населению, причем несколько шире богатых децилей. Мы — страна — переворучили фонды домашнего хозяйства, особенно компьютерами, доступом к интернету, автомобилями. Поэтому мы относительно легче переносим этот кризис, чем прежние. Падение потребления большое, но у бедных тяжело. В значительной мере произошло сокращение потребления богатых. Когда падает продажа автомобилей с 3 миллионов покупок до 2 миллионов — это, конечно, не бедняки.

С малым бизнесом все не очень сложно. А в большом бизнесе не сформирован корпоративный контроль. Все толкуют про инвестиционный климат, но он нужен для фирм, у которых есть нормальная функция собственности, контроля, инвестирования, которые максимизируют что-нибудь для хозяина. Проблема российского бизнеса состоит в том, что здесь, в силу специфики контроля, нет нормальной функции инвестирования и контроля. Но для малого бизнеса, как

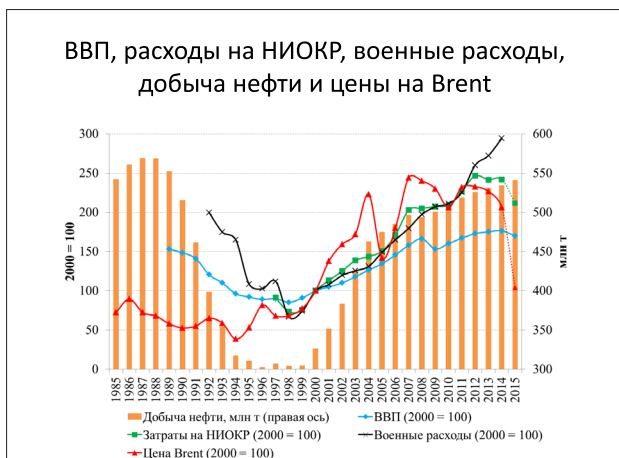
всегда, нужно немножко кредитов, помещения и чтобы у него ничего не отнимали.

Но в ситуации коррупции и в ситуации такого формирования, мы получили огромный слой малого бизнеса частично из мигрантов внутри или извне страны: я имею в виду торгово-ресторанный и прочие, которые, конечно, не полезут ни в какие схемы гражданского общества — только существуют. Ну, кто может выйти протестовать по поводу выборов или всего что обсуждалось? Ну, учителя, ну, инженеры, ну, бюрократы сами против себя частично. Младшие эксперты против старших экспертов? Но огромная масса малого бизнеса попала в такую ситуацию, когда она находится в коррумпированной обстановке. Они интегрируются, но это вопрос поколений.

Я поставил на один график сразу: добычу и цену нефти, НИОКР, военные расходы (слайд 7). То есть это один график, который исчерпывает любознательность политолога. Здесь есть всё, что нужно знать политологу, чтобы написать страниц 300 российской истории. Вот, тут появился рост военных расходов, тут цены на нефть. Да, но каков кризис 1990-х! Мы все-таки не сознаем, что в 90-е годы, ладно уж с политикой, но мы могли не выжить как страна и нация. Я читаю в основном книги по истории, но, по моим представлениям, мы были на грани развала. Идея нашего дальнейшего распада время от времени возникает. Она для нас теперь обострилась и даже, может быть, чрезмерно выразилась, в ряде действий политических элит. Но мы прошли через абсолютно немыслимый кризис... Причем, глубина нашего кризиса меньше, острота с точки зрения роли в мире, может быть, выше, чем в других странах постсоветского пространства.

Многие зарубежные политические элиты, не надо питать никаких иллюзий, нас не любили никогда. Да они и своих соседей не любили, но Россия была чужаком и опасным по впечатлению, действиям и нарушению равновесия время от времени. Я не сторонник пропагандистской шумихи о заговорах, но интересы есть интересы — различий в этом отношении наши реформы не отменяли, хотя мы отменили социализм.

Сначала нас не любили, потому что была Схизма в XI веке, а потом нас не было на карте. Потом мы стали возникать и первое эмбарго было против Ивана III. Есть переписка шведского и польского королей про санкции — звучат очень современно — вытащил из старых книг. Сначала был Иван III, а Иван IV и потом Петр реализовывали программу Ивана III, с его Софьей Палеолог, и со всеми вытекающими отсюда претензиями на 3 Рим и т.п.. Иван Грозный, кстати, держал Нарву 18 лет и нанимал датский флот из 4-х кораблей каперствовать в Балтийском море в пользу Московского царя.

Слайд 7

Появление нового гиганта державы было никому не нужно. У нас не было металлов, мы экспортировали в основном меха (куницу — откуда гривна кун) и ввозили все металлы. Представляете, какое впечатление произвели в Центральной Европе при Петре солдатики Меньшикова. Они отвоевывали немецкие крепости у шведов по побережью нынешней Польши, Германии. У нас есть проблема, что у Советского Союза, и в какой-то степени у России (ненамного лучше): мы воевали почти со всеми соседями. Мы являемся континентальной империей, у нас нет прокладки из океанов. Правда, есть Ледовитый океан, там тоже идет соперничество, но все-таки там холодно. Единственная граница, где мы никогда не воевали — это норвежская.

В 15–20 странах, которые нас окружают, раз в несколько лет проводятся парламентские, президентские и местные выборы. Всегда можно поговорить немножко о русских шпионах, о каких-то двусторонних проблемах... Надо к этому быть готовым. Это реальный фактор нашей истории, помимо геополитических разборок. И чтобы мы сейчас не делали, это может возвращаться эхом. Это реальная история, но она очень тяжелая. Так что фактор внешних элит в нашу эпоху — значит очень много для страны с нашей историей. Только очень наивные люди могут думать, что показатели поддержки (по опросам) того или иного, даже очень неожиданного и необычного события равно 86% по причине пропаганды. На самом деле тут много глубже и фактор изменения интересов внешних элит к России по определению не может быть только от наших действий — тут история постарше и поинтересней.

Моя идея в 2008 г. — в тех программных работах — состояла в том, что государство не может «встать» на гражданское общество и бизнес. Вылезти по одиночке, вдвоем из глубокого колодца невозможно. Надо бы втроем прижаться спинами и ползти вверх. На сколько это актуально? Я думаю, что уже нет: государство «встало» на гражданское общество и бизнес, но не «вылезло» до конца. В стране с таким неравенством не может быть чистой либеральности. Хорошо, во время подъема за 2010–2014 гг. «просачивание» доходов заметно ниже верхних децилей. Все равно, вы не можете сделать субсидирование и таргетирование на половину населения. Вы не можете сделать массу вещей, пока не сделаете еще несколько шагов к более сбалансированной социально-экономической структуре.

Внутри страны происходит перепад между регионами и слоями, как в ООН между Бангладеш и Италией, может быть, исключая самые края. Это очень сложная страна, и в ней нельзя куда-то двинуться без поддержания равновесия между частями. У Уильяма Эшби есть такая теорема: нестабильность больших систем с большим количеством взаимосвязей. Большие системы стабильны, если мало связей между частями. Тогда дестабилизация одной части, если она мало передает, то можно стабилизировать систему, даже если какая-то часть нестабильна. Если связи большие, то дестабилизация любой части немедленно дестабилизирует всю большую систему. А мы являемся большой системой с большими взаимосвязями. Поэтому нужно решать проблему договоренностей между элитами, социальными слоями, регионами, иметь колоссальное терпение, искать компромиссы.

Интеллектуалы в избытке

- Если развитая страна опустилась по сложности производства — она экспортирует «мозги»
- Места в реформах, начиная с приватизации, не нашлось... демократы пошли на выезд, особенно жалко студентов, которые греют чужие фирмы
- Даже Нобили «Там» появились — будут еще...
- Бюджетники, Образование и теперь Наука постепенно сжимаются к уровню страны с этим типом производства, экспорта и государства
- Интерес потерян — осталось: сарказм, пристроить детей и сохранить свой интеллект
- Политическое влияние мало — по бедности и потери роли в производстве, хотя в Оборонке еще живем.
- В сущности они очень живучи — даже удивительно...

Меня бывает спрашивают о том, как я сам-то переною эти четверть века. Я должен сказать, что я выживаю вместе со всеми, как гражданин, с массой неприятностей. Как экономист, я все время придумываю что-нибудь такое, чтобы сделать и помочь стране. А как историк, я, конечно, наслаждаюсь всем вокруг, потому что многое понимаю — это феноменально интересно. Было, правда, очень плохо, когда понимал, что происходило что-то «не то» по моим представлениям.

Ниже у меня есть 4 слайда моих работ по «транзишину». Это тоже не все, но я решил, что это часть моего «награждаемого лица», и должна быть предъявлена. В августе 1990-го года я написал, что у нас пройдут реформы и будет единое мировое хозяйство после реформ. А в августе 1991 года выходит статья под названием «Экономика — новая фаза кризиса». Е. Гайдар писал в «Коммунисте», а я писал в «МЭиМО». Он писал на инсайдерских материалах, а я писал про Советский Союз также, как писал бы про Мексику. Была у меня тогда статья, опубликованная, когда я был Председателем Комитета по иностранным инвестициям. Я все написал о том, как надо было бы делать. Потом — уже в 2008 году мы насчитали примерно 40–44 группы интересов, а это реалии. Здесь есть статья, которую я сделал в 2010 г. на историю «500 дней». А если бы я писал Программу, то ради сохранения оригинальности и интеллектуальности страны, писал бы ее от и для интеллигенции.

**Без компромисса между основными
игроками нет «Большого плана» развития»**

- 25 лет с «500» и всех тех надежд...
- Страна не смогла сохранить уровень развития при переходе от среднеразвитой плановой до рыночной – растеряли и уже в опасности.
- В стране с таким неравенством не может быть чистой либеральности или простого дирижизма.
- Стратегии и Большой цели за 25 лет так и не сформулировали – только «ушли от социализма».
- Интересы элит стали защитными: массы не в восторге; государство зажимает; внешний мир выглядит опасным.
- Впереди – если сможем договориться – ГИБРИДНАЯ политика на одно-два поколения... При внешнем давлении – особенно.
- Дальнейшее развитие возможно при компромиссе целей основных игроков внутри страны, еще Евразес, БРИКС, ОПЭК, Евросоюз, НАТО – надо договариваться.

Слайд 9

Статья о «трансформация элит», из которой я вычерпал часть этих подходов, выходит на действительность сегодня, но все менялось у наших акторов и все будет меняться. Будущее все равно стоит на

разумном понимании того, кто мы есть. Особые мы, или нет, но нам нужно найти способ в динамике соответствовать меняющимся интересам многих групп. Возможно, это очень сложная интрига, но, я воспользуюсь случаем, я занят важным делом, я завожу в русский язык одно общеславянское слово, оно есть в Словении. Это славянский эквивалент, синоним слова «интрига». В русском языке есть выражение: «сплести интригу», есть «сплетня», а изначально «интрига» в наших языках — это «сплётка». Нам нужна очень сложная национальная «сплётка» для завершения трансформации.

В заключение неполный список моих работ по нашему транзитиву. Страна меняется — я стараюсь помочь, руководствуясь обязательно принципом «не навреди», а потом реформирую. Во всяком случае на всех этапах преобразований я придерживался вполне простых (не радикальных) взглядов. И не стесняюсь показать своих работы с самого начала. Спасибо!

Будущее важнее Истории!

В начале реформ - 1

- «К единому мировому хозяйству» // Приложение к «МЭиМО», 1990, #8
- «Без акционеров нет рынка» — А. Вавилов, Л. Григорьев, В. Машиц, В. Мусатов, Б. Федоров // «Известия», 5 апреля 1990
- Переход к рыночной экономике (программа «500 дней» в соавт.), М., 1990.
- Soviets Need a Unified Free Economy. New York Times, September 12, 1991
- Проблемы приватизации в СССР (в соавторстве с С. Алексахено) — В «Проблемы перехода к рыночной системе хозяйства в СССР и мировой опыт», часть 1 // ГПСИ ИМЭМО, 1991
- Леонид Григорьев, Евгений Ясин «Все поделить? О проектах российских законов о приватизации» — «Независимая газета» — 1 июня 1991
- Экономика СССР: новая фаза кризиса (в соавт. с О. Корчагиной, О. Ивановой) — Приложение к журналу «МЭиМО». — М.: Наука, 1991
- Ulterior Property Rights, chapter in «The Post-Soviet Economy». Edited by A. Ausland, Pinter, London, 1992
- Глазами инвестора, «Московские Новости», №23, 7 июня 1992
- Распределение собственности и контроля в процессе приватизации: последствия для иностранных инвесторов. — В «Иностранные инвестиции в России: тенденции и перспективы». — М.: «ИНФОРМАТ», 1995, с. 62-74

Что писал потом — 2

- Средний класс в России на рубеже этапов трансформации. — «Вопросы экономики», № 1, 2001, с. 45-61 (в соавторстве с Т. М. Малевой)
- Россия — десятилетие перемен / Глава 2 в «Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2000 год» — ПРООН, 2001
- Завершение первого периода реформ. / в сб.: Российская экономика на новых путях. — М.: Институт бизнеса и экономики, 2001, с. 8-14
- Трансформация без иностранного капитала: 10 лет спустя. — «Вопросы экономики», № 6, 2001, с. 15-35
- Коррупция как препятствие модернизации. (В соавторстве с М. Овчинниковым) «Вопросы экономики» №2, 2008
- Послекризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций. (в соавторстве с С. Плаксиным и М. Салиховым) «Вопросы экономики» №4, 2008
- Инвестиционный процесс: накопленные проблемы и интересы. «Вопросы экономики» №4, 2008
- 500 дней на революцию сознания? В «ЭКО» №5, 2010, с. 6-19

Слайд 10

Еще писал — 3

- «Экономика переходных процессов» (свод работ 1989-2009 гг.) в двух томах – 530 и 580 стр. М., МУМ, 2010
- «Коалиции для будущего. Стратегии развития России». (Л. Григорьев, А. Аузан, С. Афонцев и другие – «Сигма»). РИО, Москва, 2007
- «Запрос элит на верховенство права». В «Верховенство права как фактор экономики» под. Ред. Е. А. Новикова. М., Мысль, 2013 – 2-е издание, 2016
- «Программы приватизации 90-х годов» В «Права собственности, приватизация и национализация в России» под ред. В. Л. Тамбовцева. М., Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2009
- Российские регионы. (экономический кризис и проблемы модернизации) под ред. Л. Григорьева, Н. Зубаревич, Г. Хасаева, М., ТЕИС, 2011
- «Элиты – Выбор для Модернизации» в “Russia: the Challenges of Transformation”, Piotr Dutkiewicz and Dmitri Trenin (Editors), NY UP, 2011

Слайд 11

И теперь — 4

- «Мировая экономика в начале 21 века» (учебное пособие – 90 пл.) под редакцией Л. М. Григорьева, «Директ-Медиа», М., 2013
- Цели устойчивого развития ООН и Россия. Под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева, Москва, АЦ, 2016
- Прогноз энергетики мира и России до 2040 года. Под ред. А. А. Макарова, Т. А. Митровой, Л. М. Григорьева, ИНЭИ РАН – АЦ, 2016
- «Структура социального неравенства современного мира: проблемы измерения.» (в соавт. с А. Салмина) «Социологический журнал», №3, 2013, с. 5-16
- «Трансформация России – для людей или для элит?» – «Полития», №1 (76), 2015 г., с. 114-139
- «Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России» (в соавт. с А. А. Курдин) – «Вопросы экономики» №1, 2016, с. 36-62
- «Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций». Журнал НЭА, №3, 2016, с. 160-170.
- Grigoryev Leonid. Russia in the System of Global Economic Relations // Strategic Analysis. Delhi, Vol. 46. 2016. № 6. Special Issue: Russia in Global Affairs. P. 498-512